

ДОЖДЬ И ОСТАЛЬНЫЕ ВРЕМЕНА ГОДА ^{х)}

/модальная повесть/

х) Печатается с сокращениями.

1. О С Е Н Ь

Я собрал краски, промыл кисти и закинул все это в ящик к майору. Потом надел сапоги, протер очки, закурил и вышел на улицу. Для сентября это был довольно теплый вечер, и пока я шел между хлевом и казармой, солнце освещало и то и это и грело мне спину. Проходя по узкой дорожке из асбестовых плиток, заботливо уложенных солдатами неудачи, а также солдатами непогоды, страшного ненастья и — возможно, даже ненависти, я ненароком толкнул плечом какого-то встречного прапорщика, который сделал вид что не заметил этого. Теперь-то я, наверно, считаю, что сперва наступил ему на ногу, а потом двинул коленом в дыхало, так — что он отлетел в кусты, но не подал виду. Но как ни странно, он и в самом деле тогда не подал виду, и видно, не мне судить о поведении сержантов, которым я поддал плечом. Дальше я шел вдоль забора, за которым стоял дом, во дворе которого мокро женское белье, ибо именно в этот момент пошел дождь, и глядя на это белье на веревках, я стал подумывать о том, как снялся бы с тебя тот или иной размер, но быстро бросил это, потому что для того, чтобы думать о тебе, и без мокрого белья офицерских подруг было достаточно поводов, а также потому, что ненавижу не только сюжеты с размерами белья, но и размеры вообще, а также потому, что мне ненавистно белье во всех своих видах и проявлениях, и нам жилось бы лучше, если бы его нигде и ни на ком не существовало. Я выбросил окурок и свернул налево за угол, прошел мимо склада, перепрыгнул канаву и вышел на свою обычную дорожку. Уже минут пять шел дождь. Я возвращался с работы.

И я прошел по мокрой дороге, все дороги открыты для тебя как и обычно, и я прошел мимо рва и длинного ряда

палаток, мне нравится песня "Квин", "Ревность", - но я не люблю значения и звучания этого слова, дальше дорога идет между палаток и вдоль сарая, куда я захожу, чтобы увидеть толпу бенз у телевизора и сказать, что пришел с работы, все дороги по-прежнему существуют, ты ходишь в ком хочешь, я захожу в свою палатку, в которой идет дождь, чтобы посидеть с "Фениксом" и подумать о том, что давно собирался сделать.

Я взял с собой несколько кусков сахара, новую пачку "Примы", потому что ту, начатую утром, расстреляли на работе, прихватил с собой кусок бумаги и карандаш. Когда я совсем уже собрался уходить, полог отодвинулся и в палатку вошел Болц, стряхивая с лица капли и хмуро-ласково улыбаясь, как это там у него заведено.

- ты хорошо устроился, - сказал он, скидывая плащ-палатку.

- просто работаю, - ответил я.

- А мы вот - просто... - , он развел руками.

- что ж, - сказал я, - такая я сволочь, как видно. Да, я ухожу. Плевать мне на дождь. Ну, я пошел. (это уже откидывая полог).

- ты, говорят, писательствовать начал... - , услышал я хитрую заводку Болца, многообещающую, многообещающую ему самому. Черта с два.

- Злые языки говорят. - ответил я. Но:

- вчера приехал Хламсон.

- ну и?

- он привез два рассказа, говорит что твои.

- чушь, я же сам вчера приехал. Мы с ним вместе приехали вчера ночью. Вот тебя что-то не видно было. Так что не говори глупостей.

- Ах, да, - захлопотал он - , я же тогда был у Свиныи.

- ну, мне жаль тебя.

- однако говорят... - , он опять похитрел и стряхнул ладонью последний капли.

- мы еще вместе побываем там.

- да постой же ты, постой!

- мне плевать на дождь.
  - да уж подожди.
  - ; хороший дождь.
  - , плевать на хороший дождь.
  - не надо, не говори ерунды. И Хламсону передай такой же совет. Я откинул полог.
  - значит, ты писательствовать начал... - продолжил он.
- Видно было, что ему очень любопытно, и я его очень любил, и он был отличный парень, и я держался с ним так, как считал нужным. И вообще зачастую после, когда уже все испорчено, понимаешь, что нужно было держаться так, как считал нужным, именно так и никак иначе. Дождь не усиливался.
- злые языки.

Я закрыл полог, поднял воротник, опять пошагал мимо палаток, вдоль плаца, сортира и проволочной ограды - туда, куда, собственно, я и направлялся. За оградой из проржавевшей колючей проволоки, неизвестно почему незамкнутой как раз в том месте, где был сортир и лагерная свалка, начиналось поле, дали которого сейчас размыл дождь. Впрочем, я и раньше приглядывался к этому полю и знал, что в километре налево будет деревня, но чтобы пройти туда, нужно миновать пространство каких-то высоковольтных и сверхсекретных мачт, отражателей и излучателей, да и ни к чему мне в ту деревню, а в двух километрах направо будет пустырь, где каждый день рвут 30 килограммов тротила, и там я уже не раз был и знал, что такое запал, и как его держишь на вытянутых руках (даже если носишь очки), когда обжимаешь его плоскогубцами, стараясь делать это как можно осторожнее, чтобы не остаться без пальцев, а то и без глаз, и как потом ввинчиваешь запал в с пятисантиметровым шнуром, и потом поджигаешь шнур и бежишь довольно быстро, чтобы не остаться без кое-чего поважней, а прямо в километре будет лес, которым и кончится это небольшое поле, которое мне предстоит пройти, чтобы добраться до опушки, ведь лес всегда начинается с опушки, а уж этот лес таков, что кроме опушки в нем нет ни черта хорошего, кроме того, разумеется, что он ограничивает то поле, которое мне предстоит перейти,

и служит верной гарантией того, что у поля есть граница и что поэтому, как ни старайся, и никуда из поля не уйдешь, хотя поле и быть в поле под дождем уже достаточно прекрасно, так же как прекрасна всякая опушка, встречающая всех шедших по полю и так же как гнил и болотист чахлый лес, начинающийся за опушкой, заканчивающий поле, — которое мне предстояло перейти. Все это я давно уже прекрасно знал и на все это мне было плевать; я просто перешел поле, добрался до опушки и того дерева и написал то стихотворение.

Конечно, все это заняло не менее двух часов: — пока я шел не вдоль и не поперек борозд (да и были ли они), — цепляясь сапогами за мокрую траву, пока добрался до канала и коснулся прелести черной земли его стенок и прелести оранжевой даже при усилившемся дожде земли его дна, и прелести его черной воды и черных колючек по его берегам и сплошного зеленого плеска мокрой травы вокруг, и уловил начало звукового потока, "а раньше, когда тебя не было — оранжевые губы были оранжево-небесными", — и пошел вдоль канала, накладывая новые потоки на этот и проверяя их звучание, пока не добрался до опушки и того дерева, и оказалось, что на опушке есть вещь еще более замечательная, чем дерево — огромная куча земли, камней, травы и спрессованного кустарника, появившаяся, вероятно, тогда, когда это поле равняли бульдозерами. Эта куча была высотой около трех метров, я влез на нее и смотрел, как вдалеке на огороженной проволокой площадке солдаты и кое-кто из наших и их бонз играют в волейбол. Потом я достал карандаш и кусок бумаги, съел кусок сахара, выпил воды из фляжки, выкурил сигарету и зафиксировал то, что пришло мне, пока я шел ~~дв~~ вдоль канала. Потом я слез с бугра, — пересек поле в обратном направлении, ты ходишь в ком хочешь, вернулся в свою палатку и лег на матрас, дожидаясь, когда придет старшина и объявит мне наряд за самовольную отлучку. А с работы в штабе полка меня уж потом выгнали, художников ведь было пруд пруди, и мне было плевать, так как дело шло к концу; и как мы там расстались с майором,

я тоже не помню, и что я напоследок сказал и как все это было. Оранжевооенебобью. А Болц был действительно хороший парень.

Ш. А В Г У С Т

Сначала дорога была асфальтовая, потом в асфальте стало попадаться все больше гравия, а потом и бульжинок, а потом она как-то вдруг перестала быть асфальтовой, а через некоторое время она вообще перестала быть дорогой. Теперь то, по чему я ехал, состояло из сухого, а чаще мокрого песка с травой и камнями, по сторонам желтели поля в рост карлика, а что там было за полями — очень далеко, кажется какие-то башни на севере и на юго-востоке — я не очень-то смотрел, потому что смотреть нужно было под рулевое колесо, и крепче держать руль, потому что впереди все чаще и чаще возникали огромные полувысохшие лужи, состоящие не столько из воды, сколько из незапекшейся жижи цвета темной охры, весь вел трясло, и багажник уже не раз отваливался, перетирая прикручивавший его ремень, но опытному велосипедисту все это ни о чем, и я успешно проскакивал слизистые разливы, где-нибудь по самому краю, где корочка уже подсохла, те же, что нельзя было объехать, я проезжал напрямик, и чаще всего мне везло так что упал я всего несколько раз, и в большинстве случаев мне удавалось обрушивать свое падение в кусты: меня не раздражало то, что их стебли и стволы колючи и обдирают голые руки, меня раздражали только самые большие разливы грязи, глубина которых была на вид больше радиуса колеса, их приходилось обходить посуху, продираясь все через тот же кустарник, репей и крапиву. Вскоре то, по чему я ехал, превратилось в сплошной разлив коричневого дерьма, и тут я перекурил, а потом деволок свою тачку наискось, надеясь найти какую-нибудь дорожку, так как глупо было бы сомневаться, что это не тупик, проехав уже километра четыре от деревни. Некоторое время нужно было продираться через неполютый посев, полуденное солнце жа-

рило всюду: насекомые понимали это как призыв к действию: кто кусал, а кто пел, и в общем-то довольно скоро появилась едва видимая дорожка среди стеблей, езда по которым затруднялась не столько ее неровностью, сколько тем, что нужно было глядеть всюду, чтобы не потерять ее из виду, прямо в двух метрах перед собой. И нужно было очень сильно жать на педали, продвигаясь со скоростью недостреленной коровы, волочащей правую половину тела, и слушать тех, что пели, и отгонять тех, что кусали, и нюхать, это-то и было самое главное. Нужно было постараться представить себе, как выехать отсюда на шоссе, или не думать об этом, а, взмокнув, все сильнее жать на педали, и увидеть справа метрах в двухстах хижинку деревушки; легко не знать ее названия, и приятно расплющить ударом ребра ладони слепня, впившегося в дыру на колене, наплохо также поймать здесь, в особо высокой траве, какую-нибудь деревенскую телку, слишком девственницу, быстро раздеть ее, даже мяукнуть не успела, и трахнуть в покрывшихся испариной стеблях: сорок минут удовольствия, не более восьми часов шестисуточного геноза, и ехать дальше, а частью идти, удерживая вихляющую на кочках кобылу, пока старуха из местных не скажет, что на этом-то и до Москвы доехать можно, проблеет овца, обдаст до колен навозом и грязью последняя воронка, а руль уже можно не стискивать так зверски — под колесами песок, и как-то незаметно дорога становится асфальтовой, причем асфальт все лучше и лучше, такой, по которому можно гнать на всю катушку, гнать и гнать, как только можно гнать на складном велосипеде с дребезжащим багажником и сдутыми шинами, у которого седло поднято так высоко, что нужно вытянуть и напрячь всю ногу, включая и ступню, чтобы носком башмака достать до педали.

/-----/

Я выехал на шоссе, ведущее к заливу; дико вывернувшись, увеличивая ход, объехал косо обрушенный штабель торфа и двух раздавленных ежей и погнал на северо-запад, туда, где, как я вспомнил, где-то посередине пути между моим

домом и заливом, сразу после Тайцев, недоезжая горы, есть поворот направо, куда я как-то однажды заехал, когда еще пытался объехать гору, и спешно возвращаясь тогда из-за свернутого руля и начавшейся бури, заметил на той дороге за поворотом одно настоящее место. Только туда и только сейчас, подумал я, солнце стояло еще высоко, я проехал торфопредприятие, Вайю и еще какую-то деревню, где шоссе медленно перешла невероятно красивая баба, улыbnувшаяся моим виражам и остановившаяся, чтобы смотреть мне вслед, как я заметил, завернув назад голову в промежутке между гудящими грузовиками, ухающими вдоль и поперек, которым — ни почем выбегающие на асфальт ежи и обгоняющие меня фара — велосипедисты с надписями "god save the queen" на задницах. В Тайцах дорога шла под большой уклон, и я, покрываясь испариной и переезжая тени, пролетел мимо сельмага и загаженной синагоги и уже под конец — мимо толпы гуляк, пугнувшихся моей езды, миновал последнюю избу и табличку с перечеркнутым красной полосой названием поселка, гора была уже всю видна, догнал до поворота, который — узнал метров за двести, — и вырулил направо. Никто почему-то не ехал по этой дороге, солнце светило прямо в лицо, — я гнал и гнал, проехал мимо задавленного зайца, напелёвину склеванного воронами, штабеля ящиков с правой стороны среди поля, слева был овраг, я проехал по этой дороге, не встретив никого, уже километра два или три и решил остановиться. Слева вниз уходил овраг, переходящий в поле, наполовину покрытое тенью начинающейся дальше горы, на краю оврага был каменистый песок и несколько куч кустов, росших кусками; в один кусок я испражнился, а в другой бросил свой вел, потом я достал сигарету, сделал несколько шагов до уходящей вниз дасыпи, сел на ее край и закурил. Подомной была песчано-каменистая осыпь, переходящая в темно-зеленое поле начинающегося вечера, позади было шоссе, песок и жнивье по ту его сторону, это было настоящее место, прямо передо мной через поле была длинная гора, снизу по ней поднимались домики, а где-то посередине левого склона стояло что-то вроде маленького замка, и кто-нибудь дру-

гой, не моих убеждений, возможно, подумал бы, что за ним, сидящим здесь на склоне осыпи, наблюдают из этого подобия замка, стоящего на левом склоне горы в полукилометре прямо против него, и сам стал бы смотреть туда, обученный своим воображением, и, может быть, увидел бы там чей-то пульс или хорду, или ляжку, что надо, и может статься, стал бы приезжать сюда каждый день и смотреть до часу, а в конце концов перешел бы поле и получил бы то, что ему причитается, сполна или как там у них заведено.

Это было настоящее место, из тех, что я по-настоящему люблю: но тут все как-то не так вышло — вдруг грустно, что наступает осень; я оглянулся кругом — я был на одной из высот округи и видно далеко и от этого еще грустнее, осень ведет наступление на все и на все настоящие места тоже, и мы складываем оружие, потому что сами хотим этого, хотя захоти мы — и нас ничем не выбьешь из наших настоящих мест. Но осень: будто кто-то очень мудрый сказал что-то, а нам приятно стать слабыми и не вспомнить, хотя мы умеем давать джэз, что кровь горлом ~~идет~~ и делать приканчивающие пространство и грусть сонеты, интонации бойни и мин^н незанги и много еще чего, он сказал что-то грустное и большое, и нам под силу порвать его, извалить в дерьме, разложить и торговать кусками в порту, чтобы купить подружке — хороший фэгот, настоящий фэгот, но мы уходим из наших настоящих мест, забирая из кома кустов свой вел, вот и я ухожу, да что уж, хруст травы и песка, ладно пусть будет так, мир нам, и ему и мне, а о тебе уж и говорить не приходится, недоросла стерва, по левому склону тебе еще сорок — метров до вершины, и кружной спуск, чтобы добраться до шоссе, а я выволакиваю свой вел на асфальт, и прикручиваю рваным ремнем багажник, как-то странно с этим настоящим местом, но думается о другом, слишком высоко поднято седло — понесло вправо, на штабель ящиков, но черта с два, я вырливаю прямо, и прямо вдоль горы с легким подъемом, а потом направо мимо седловины, поросшей светлым-низкорослым кустарником и ольхой, к далекому барaku у торфяного карьера,

где случка полуценков, вперед, и старуха выносит мусор, — уже вечереет, по лужице навоза у трактора и дальше по гравию, глине, булыжникам и снова куску асфальта, переходящего в песок, вот так-то, нужно верить своему велу, и его рулю, как винтовке, чистому холсту, или ножу, или своим рукам, спасающим тебя и твой вел, вот так-то, прокаженные девственницы из подobia замка на левом склоне: это просто, нужно только крепче держать свой руль, чтобы чувствовать руками каждый булыжник, грозящий твоему колесу, и выпрыгивающих врагов и выходящих на прогулку ежей, ведь едешь руками, если у вас, конечно, есть руки, ну а нет, так ноги-то уж наверняка есть, коль вы спустились со склона, костыли-то я сразу бы заметил, а в цирке у вела вообще нет руля, можно ехать и без рук, ногами, тем более что вы выросли в замке на левом склоне, кого угодно можно избить ногами, вот так-то, и даже убить, так что можно ехать и ногами, тем более что седло поднято так высоко, что только вытянув напряженную ногу и выгнув ступню, достаешь до педали.

И никогда не страшно падать с велосипеда.

1-2-3-4-5 (3)

а дождь в овраге будет усиливаться, теряя тепло, и это будет значить, что пора возвращаться — наши плащи перестанут впитывать влагу, превращая ее в струйки и морщинки, единственным сухим местом будет сигарета у меня во рту, которую нельзя поправить, потому что пальцы мокры и которую, если она погаснет, нельзя прикурить, потому что огонь мокр, и через несколько километров, когда мы увязнем в грязи и почувствуем, что она, кажется, тепла, нам встретится вбухший в поле по гусеницы то ли прицеп, то ли трактор, проржавевший и затопленный до руля, но его колея, еще не до конца размытая осадками, выведет на шоссе; и возвращаясь тогда домой в кабине грузовика, я услышал пару анекдотов, и после

Написал что-то действительно хорошее и светлое. Черта с два, я написал тогда то, что так и не вошло потом ни в какие хрестоматии и антологии, полную вещь со слабым названием "Маленькое стихотворение о любви", хотя это действительно так, я написал

: 120, 77 -

: 116, 42 -

: 114, 97.

И да будет так.

/-----/

... когда медленно едешь на веле по шоссе, то примерно каждая шестая машина, из обгоняющих, пронесется меньше чем в полуметре от тебя, чтобы обдать брызгами, если был или идет дождь, или просто напугать, если он кончился давно и асфальт уже подсох. Может быть, это не отражает истинного положения вещей, но я ни разу не видел, чтобы это делал грузовик: обычно это проделывают только легковые. Все больше "Жигули" да черные "Волги".

19. С Е Н Т Я Б Р Ъ

"..." мне пришло в голову написать что-либо неизвестно кому и неизвестно о чем вероятно о том что я пишу про то что мне хочется что-нибудь написать потому что это способ альтернативного бытия и я хотел бы написать как я буду писать рассказ - через много дней может быть через сто может быть через пять и пять может быть через еще двадцать через какие-нибудь две цифры на языке чисел означающие число " но вряд ли будет хорошая погода скорее я буду пить чай и слушать Берда и забавляться перемещениями глиняной посуды или перемещениями посуды я буду писать рассказ о том что согласиться с кем-либо равноценно самоубийству - так в соответствии с законами нашего шоу-бизнеса происходит борьба за сосуществование - но это плохая тема для рассказа - хотя бы потому

25

что это тема а я собирался писать рассказ и достаточно взвинчен чтобы обойтись без рук: я ехал сначала на поезде а потом в трамвае а потом в метро и потом снова в трамвае хотя нет — пешая прогулка правдивее вагона не только вообще но и в данном случае но я не назвал бы это прогулкой — это нельзя называть прогулкой это нельзя называть и это нельзя и это и э;’ лежит в ящичке письменного стола в шести тысячах километров отсюда, и ты спускаешься с песчаного холма, пересекая тени сосен, с этюдником и флягой, легкой поступью тысяча первой любви, подходишь к своей палатке у озера, над которым еще не собрался туман и дальние кедрны еще видны и действительно красивы, хотя куда им до тех, какими ты их представляла, еще тогда, когда думала, что в Сибири растут одни кедрны — черта с два, здесь вообще-то растут лиственницы, но все больше гнилые ели и пихты, карликовые сосны на бескрайних топях и каменистые россыпи там, где нет болот, и горы, конечно, но попадаются и такие вот озера как это, у которого стоит твоя палатка, заваленная холстами и хвоей, падающей с лиловой сосны. Сибирь — не такая, какой мы представляли ее по книгам, здесь мало романтики и много водки, зверей тут тоже немало, хотя, наверное, меньше, чем тогда, когда различные ермаки подминали местные племена, приканчивая их сталью, свинцом и спиртом, забирая все лучшее, что у них было — металлы, алмазы, меха и мысли, ну и женщин, если таковые соответствовали их вкусу (да видно, выбирать не приходилось — ведь ермаки не брали в набеги своих донских подруг), все драгоценности палеолита — взамен на уздечки, спички, царскую заботу и дешевое вино, попросту надували их, бесхитростно и со знанием дела, как и теперь нас надувают молодежные бонзы, подтянутые, откормленные ребята с комс-билетом в кармане кожаного пальто, немногословные в своей активности бдить, высоко поддерживать и хапать в карман, всюду соглашаться, снисходительно поглаживая сберкнижку, случайно встретив одноклассника с мятой рукописью или саксом, во время редкого приезда в далекий город на Неве (хотя никаких шуток тут нет — война ведется всерьез).

Но, разумеется, в Сибири есть и такие вот озера, где с южного берега стоит твоя погребенная хвоей палатка, а с северо-восточного — два настоящих кедра и то, что осталось от третьего, самого большого, после последней грозы, ну и, конечно, много всяких других деревьев и трав вокруг. Ты спускаешься к палатке, задираешь полог и зашвыриваешь внутрь этюдник, одновременно откидывая ногой ужа, похожего на амазонского боа все из тех же книг, что написали все те же обманыватели, которым теперь тоже не чужды сберкнижки и кожаные пальто; опустив полог, ты откидываешь волосы со лба и прикуриваешь, глядя через озеро чуть выше двух кедров на том берегу. Слева на склоне осыпается песок и слышны слова "моя пришла" — это пришел бурят Коля, обладатель настоящего винчестера и веселого нрава. Пока ты куришь, он разводит огонь и готовит ужин. Американское ружье не дало осечки и на зубах хрустит жирная корочка поджаренной нерпы, или куропатки, но чаще барсучонка и только однажды ежа — вкусный вечер, над кедрами появляется пара звезд. После спирта не нужно споласкивать чашки для чая, и холод реки и начала осени уже берет за отдельные места тела, хотя и не такой мертвой хваткой, как бешеный бульдог или грусть, но грусть и первый осенний холод прекраснее реки, Сибири, бульдогов и бонз, и мы идем в палатку, чтобы заняться генезом, и тем веселее, что по-русски он умеет говорить только "хороший девка, горячий девка" и иногда "ге-нез", ну и, разумеется "хороший винтовка", и непременно "моя пришла". Но вот уже и пора, и моя ушла, потому что настало утро, как можно понять по полоскам серого света в щелях и дырках брезента, и утреннему ознобу годового живота под шкурой енота и пледом, оставшимся еще с тех давних пор. Сигарету в зубы, транзистор под мышку, и можно выходить разводить костер, а уж свитер можно одеть и потом, хотя, пожалуй, лучше уж натянуть его сразу. На берегу между кедрами и излучиной еще видна спина бурята, зверюги с крылом в виде винчестера на умело подтянутом ремне. Он славный малый, охотник, ~~рыбак~~ рыбак и торговец опдумом, но сам никогда не курит и редко пьет, он любит только свою американскую винтовку и свою диковинную девку

из Сан-Педро, ну и охоту, разумеется, — в первую очередь, и деньги, и ветер от монгольской границы. Его кожаные штаны измазаны глиной и смолой, волосы спутаны и мокры и губы влажны и выпуклы. Он молод, как сопка, и смотрит хмуро, улыбаясь лишь когда "моя пришла" и когда "хорошая девка", и уж совсем веселится, улыбаясь широко и по-детски, когда "ге-нез". Больше здесь по-детски ничего не делается, разве что раскрывается этюдник, грунтуется холст и смешиваются кобальт и сурьма, когда ими кроют черты тысячелетней любви. Это настоящее место — кожаные штаны и травы, растущие только здесь и в Монголии, всегда свежая рыба, утренний табак и осенний сэкс, и первый вечерний холод, новая нагота под хвоей и брезентом, и снова утро, "моя пошла", озеро и пассат. Сегодня охотник ушел без ружья, в нем проснулся шаман и он слушает запахи рыб на излуине, американская винтовка висит на суку — настоящее ружье, на барса, — "лесного люди" или врага, и все хорошо, если в двух шагах — озеро тысяча первой сурьмы, и нет причин сделать — то, к чему тянутся руки — брать американское ружье, прижимаясь щекой к металлу; настоящий винчестер с двухсот шагов раскроит череп буряту, шаману Коле и всем его нештякам, а после неплохо пробьет твою голову, около половины мозга и кусочек глаза долетят до ближнего кедра; а тело не упадет, потому что волосы накрутятся на сухой вереск и растянут оставшуюся кожу на лбу и лице, не давая тебе свалиться в мох — настоящее ружье и настоящее дело, ведь от себя не убежишь ни в Бурятию, ни в сурьму, настоящее дело винтовки, для этого он и выменял ее у тувинца на мешок конопли и голову злого шамана, приснившегося ему сегодня утром, но нет причин, ведь озеро в двух шагах, и притом ты боишься, стерва, уж я-то знаю, да и бурят не дурак и винтовка все так же висит на суку, рыбы скользят по корням, светает все отчетливее, радио барахлит, как всегда, когда над мансардой пролетает самолет, визжат тормоза, сосны и кедры редко встречаются среди небоскребов новых кварталов, все больше гнилая трава да чахлый кустарник, кругом асфальт, — дома до неба, в подъездах светло как пожар, все комнаты полны смуг-

лых блондинов и нежных армянок, но когда дождь, и вечер быстро переходит в ночь, нет смысла смотреть в окна с десятого этажа, пора продавать сурьму и себя и настоящее дело, потому что за окнами — тьма, тьма.

У1. НАЧАЛО ЗИМЫ

Потянуло — не нордом, а просто по-зимнему, как первый укол, подуло запахом застывшего за ночь рельса и первого зимнего поезда, где ехать с утра и по март смирным ньюфаундлендам, старикам, мужикам с добром и девушкам, румяным и свежим как в день битвы, запахом извести Джошуа, первого пунша и белого хлеба, и горячего пирога с воспоминаниями, как и прежде, а также предчувствиями рождества, до которого лишь повесть и шпиль, и чем-то еще, у каждого по-своему, вероятно.

Снег высадили малым, самым первым десантом, это только плацдарм, пока лишь на крышах и краях тротуаров, и кое-где на асфальте, но остатки дождя и града под ним догнивают уже где-то на стадии молекулярного распада, и можно ступать по подсохшей корочке глины, и трещит тропа коричневых твердых листьев, можно идти по хрусту, и там, где текла черная вода и змеи бороздили глину, теперь сухо и вязко, и кое-где наступаешь на снег, а кое-где и на лед. Пора наматывать шарф и пристегивать козью шкуру к плащу, выходить на платформу, с утра без осадков, встречаться, смотреть и не узнавать снова, пока не привыкнешь и не придешь к тому, к чему и следовало — к постели, к чему же еще, но снег белее постелей, в том-то и дело, и холоднее — спокойной ночи, и горячее геноза, так что привет, это просто случайность и эта попытка не удалась, да и могла ли она удалась, ведь это только первый снег случается каждый год. Пора надевать шерстяные носки, зимние башмаки и козью поддевку, встречать старых друзей, обладающих свойствами аспирина и рома, и своими мнениями о первом, последнем и прочем, и своим генозом, собственной сурьмой и началами.

зим. Пора веселиться времени и холодам и козьему меху, спускаясь по лестнице с мешком дешевой темперы, пачкой угля и пачкой "примы", чтобы распить за здоровье Джошуа и пересечь всю площадь по асфальту, к черту наст, и получить все те же упреки за опоздание, небритость и хмурый вид.

- Пойдем-ка налево, купим изюма, а потом уж пойдем туда.

- ладно, пошли.

Пройдем мимо рынка, шпилья, мимо всех подворотен и скверов со стариками, читающими свежие газеты, купим изюму, пройдем через тот переулок, ступая по твердому асфальту, наступая на лужицы, покрытые корочкой льда в лезвие толщиной, зайдём в то кафе, будем пить коньяк или пунш, заедая изюмом и бутербродами с сыром, возьмем кофе, по двойному, конечно, а можно и с коньяком, если хватит монет, будем курить; и плевать на свежие девственниц на панели оцинкованной стойки, среди дыма и брызг, за здоровье Джошуа, побившего всех врагов при Джерико, как поется в старом-старом спиритизме, так тебе удобно, за первый снег на причале, будем смотреть в глубину витринной клоаки, припорошенной и помытой с утра, где возле прекрасной вечноезеленой пальмы приоткрылся вдребезги пьяный местный Верлен.

- будем?

- о чем ты, святое дело.

Будем добры и припорошены бодрящей грустью первого снега, как порт, пойдем на старую квартиру, где не греет батареей под окнами на юг, но греет ром, и что-то в груди, и в снеге, и будем рисовать углем и сангиной, пока не прошло и пока не вышел картон, закупленный еще с осени, и это-то знаешь наверняка: первые рисунки углем по картону, наброски полотна начала зимы, пока еще не пришла пора охры и кадмия, и стронция; а пока только уголь и сангина, там же как и сухой изюм, проеыпавшийся на чистую скатерть; ладонью по картону и пара очертаний, и если удались, то не жалко четверти флакона лака, только сначала смажем пальцами лишнюю резкость, но только там, где надо, и уж только потом лак, и потратимся еще на пачку угля за здоровье Джо-

шуа, а руки будем вытирать об штаны и об обратную сторону листа, будем пить подогретый ром, заедая кусочками сахара и белого хлеба; тепло и холод чувства первого снега, с началом зимы и за здоровье Джошуа, побившего своих врагов, и будем слушать Эрика Долфи.

— будем?
—, святое дело.

Святое дело, как Долфи, и уголь, застывающий под слоем лака, и хлеб, ром и сахар, и все остальное, когда идешь мимо рынка, в самом начале вечера, и хрустят башмаки, холодный воздух приятно колет ноздри, и только при выходе из метро, случайной остановке — простое перемещении спин, что-то войдет в тебя, и упадет глубоко-глубоко, кося по дороге все шпильки, зимние рисунки, ночные паровозные депо и слитки оранжевого тумана, обдирая и обжигая внутренности рваными краями ледяной глыбы, глубоко-глубоко, на самое дно, и оставшись там, в пустоте межреберной сельвы, шевельнется — слегка, а потом — так же легко, но снова и снова — как теплая змея.

Все дело в том, чтобы встать пораньше, выйти на платформу, кутаясь в козью шкуру, идти вдоль вокзала, медленно куря первую папиросу, смотри как припорошило края асфальта, из нескольких погребов и топок — оранжевый пар; а небо уже окрепло, оно горячее тела и наста, а хруст горячее двойного кофе, когда на улице до костей, а тело горячее воздуха и рыжего пара из сопел, и черного огня, и постели и утренних звезд, когда идешь по промерзшей глине, и холоднее рома, сахара, белого хлеба и Долфи, и необъятнее боли, выпускающей теплых змей. Так всегда бывает, когда это твое и с тобой — начало зимы.

УП. А В Г У С Т

С утра нужно купить овощей, луку и кистей, а также цветы по случаю дня рождения внука. Накануне ему уже был подарен ее старый плейер, но цветы — всегда цветы, и покупка цветов ко дню рождения внука ничего не заменит, и даже самих цветов. Все это с самого раннего утра, пока выхлопы водородных двигателей не забили запах свежего лука и роз. Потом нужно было сходить в уборную на углу, постаравшись — не уронить овощи и розы, зайти в кафе, выпить двойной большой, таснуться у зеркала и — к подруге:

— Ну, как я выгляжу?

— О'кей.

— Что, что?

— Дважды о'кей, извини, Эльза.

Еще бы: после массажа и косметики и покупки цветов. Да ладно — какие цветы, ~~выпущенные~~ все дело в американской косметике, конечно; ну и в массаже уж тоже — ведь не одну рожу взбиваешь. Вот так: теперь лишь мазать рожу, а тридцать лет назад ей только и надо было, что мазаться по вене. Время, да.

— Это цветы для внука?

— Да, сэр.

— Но и тебе по кайфу, я вижу?

— Чес.

— Он замечательный мальчик, слушай. Он был у нас на каникулах, помнишь? Зимой, да. Вот какие стихи он мне написал к рождеству, сейчас...

— ?

— Читай. По-моему, из него выйдет толк.

Она берет внуцьи почеркушки, читает не с начала, потому что верх страницы залит новогодним шампанским полугодовой давности: на твоём балконе расцвел миндаль, давно проржавел твой шлем, и девочка смотрит куда-то вдаль, а сына прельщает Брэм. Но время течет через сито слов, и так далее, ну это он начитался Кузмина и наслушался старых кассет.

- и еще:

"да ну, ничего я не добиваюсь - я просто зябну и забываюсь: когда мне холодно вне погоды, когда Кановер берет за хорду" - ну это он понятно чего начитался.

- Мировой у тебя внук.

- он, видно, хорошо повеселился у вас тогда.

- Да, очень. Нам всем понравился. Слушай, он ведь, наверно, входит в эту фракцию - Уонхандрид... твэнти?

- он в отца.

- а... Ну и даже лучше, впрочем. А то что-то я не пойму этих Ванхандрид...

- твэнти

- сэванти сэван. Да, сэр. Хотя, конечно, очень чистые ребята; по-моему, в наше время такого не было. Никаких твэнти

- новые времена.

- ну, помнишь: панки, гэмплеры, фашисты были, неоромантики, скинзы... Но никаких твэнтов тогда не было.

- они не твэнты, тебе говорят, они Уонхандрид сикстин. Фоти ту. Уонхандрид фотин найнти сэван. И это не фракция, - просто что-то вроде клуба самоубийц. Они работают на хандрид твэнти.

- ну ясно: все равно твэнты. Твэнты. Но я что-то не понимаю этого, может, стара стала? В конце концов мы все, на их слэнге, из фракции фоти ту. И мне теперь не понять, какая разница: первая или тысяча первая? Но ведь они сделали культ из твэнти сэванти сэван.

на самом деле это просто: тлен

или просто : ты

на самом-то деле это просто : пли.

. И сто четырнадцать, найнти сэван.

Они сделали из этого культ, понимаешь? Такого что-то не было еще... Ну да бог с ними, твоему внуку это не надо, верно.

- Они все сидят?
- Полон сквер, да посмотри сама. Стремно жить в таком месте. Твэнтов всяких развелось, да еще этих, как их?
- Не помню
- Вот и я не помню. Стремно жить в третьей тысяче.
- В самом начале.
- Ну все равно. Стремно жить в пятьдесят. Твэнтов развелось...
- Поживешь и в двести.
- А пошла ты, тхнаури ра. Видишь ли, эти младенцы сделали культ из своего твэнти. Знали бы, что такое сифилис.
- Ладно. Как я выгляжу? : пора к внуку.
- Трижды о'кей. Ты еще потянешь, Эльза. Плевать на твэнти.
- Пока. Не беспокойся: он в отца.
- О'кей.
- Чес.

Пора к внуку, пока цветы не утратили аромат, пока твэнты не запрудили улицу тысяча первой охры, и к чему тогда новые кисти, и овощи, и косметика, черт бы ее побрал; пора к внуку, не в именины судить, будет из него толк или нет; а пес с ним, пусть будет с теми, как их, а хоть бы и с твэнтами, может и лучше, эта-то дура не знает, что просто: пли, в свои пятьдесят как сто, и не знала в свои тринадцать, и в те мои девятнадцать как триста, но он в отца.

Стремно жить в пятьдесят, иметь внуков и дарить им в день рождения розы, но он в отца, и какой он ей внук, сын, и какой он ей зять, его отец, в том-то и дело, потому-то косметика и массаж, черт побери. Но все это фантазия, конечно, - воздействие охры и свежих кистей, работа до первых мазков по рисунку углем (вот что осталось по-прежнему - холст, посветлее грунт, уголь и кисть), это бред, облучение кобальтом в августе, облучение тем, что берет за хорду в пятьдесят лет, сурьмой и разными "пли" - , а так все правда:

он ее внук, и сын своего отца, и нечего психовать, он в отца, и тот сегодня придет поздравить мальчишку, хороший отец из поколения между пли и осенним генозом, ночной рабочий нечуждого завода, что и не снился сосцам полжизни свингующей тещи, как копи царя Соломона, и никогда не прострелит ключиц и пульсов жены и всех его девок после ночной смены, как и песок в вагонетках и бункерах, как и большая труба, влажная от прогрева и как все его маршруты среди тех рельс и высоковольтных линий при свете дежурного крана, а губы влажны и выпуклы, да сэр, коли он молод и хмур и знает град поутру, и как ночные работы, понятные тем, кто их любит, читая в дежурных будках великолепную повесть Фриша "Человек появляется в эпоху голоцена", под свист агонизирующих автоклавов, выпускающих пар и тепло при разборке, и когда можно связаться по телефону, и проба котла, со всеми на этой огромной территории, где много темной работы и ночи, со всеми, кто знает свое ночных перемещений песка и торфа, будто подвиг темных работ и пара, и не понимающей всего этого девки после ночной смены и в дождь, беспечно-мудрой акварельхи, и фришевского "голоцена".

1-2-3-4-5. (5)

У нас часто бывает дождь, иногда со снегом и градом, но чаще просто, в песок и в кожу, в рот и по венам, если это дождь а не лажа, если правда по пульсу, трамбовка полей и шпилья, работа любви.

Мы сидим с ним на холмике рыжей глины, пахнет бензином от грузовика, водитель мочится в кустах, небо мочит его, грузовик и шоссе. В километре от нас - ядерный институт, выпускающий частицы по всем близлежащим объектам. В такую погоду мезоны, блуждая среди струй, особенно глубоко проникают в нас, мы принимаем дар физики и неба, а в-общем - природы. Он, как всегда, не любит со мной разговаривать, а я молчу, перед нами поле, разбитое осадками и протонами, вспаханное

прицельным огнем тысяча первой охры. Он застегивает наглухо свой коричневый плащ, поднимает капюшон и смотрит на шоссе — сегодняшняя прогулка не удалась, пора достать фляжку и сделать хороший глоток рома. Все что у него есть — это рак аорты, проказа и фазофрения, не считая главного, — все это я мог бы забрать у него, учитывая наши с ним отношения, не считая главного, конечно. Грузовик уехал, шоссе пучится и плывет, покрываясь испариной небесного дара, поле позади нас становится территорией погоды и геноза атомного ядра. Еще один глоток из фляжки, старой о'кейной матери, настоящей брезентовой фляги; сигарета, внезапный приступ рвоты с кровью и обломками тяжелых ядер, но еще один добрый глоток из фляги поправит все дела, настоящий ямайский ром, настоящая армейская фляга, спасавшая столько солдат удачи, попавших под перекрестный обстрел геноза и небезопасных бритв — теперь только закурить, и плюнуть в шоссе, пузырящееся радиоактивной влагой, и попытаться вспомнить то что он повсюду любил.

— ... учись солдат свой труп носить. Не помню, где — как всегда

— учись дышать в петле — , подсказываю я.

ну и дальше:

учись свой кофе кипятить
на узком фитиле.

Мы оба знаем, что автора пришили лет сорок назад, теперь уже сорок пять.

учись не помнить серых глаз,
учись не ждать небес,
когда придет твой смертный час
и твой Бирнамский лес.

Мы идем вдоль шоссе, меся бурую глину сапогами, подняв воротники и куря "приму", и я немного свадн, отняв у него флягу, чтобы было чем подстраховаться, хоть он и не признает страховок, имея в своем распоряжении настоящий рак, — или любовь; как дождь или ружье, — достаточное для пехотинца количество настоящих вещей, без понта и эльз, и насто-

ящий кадмий, и мезон, закашивающий на трюмб.

Мы приходим домой к его несравненной старухе, снимаем башмаки и плащи и скалываем с них остатки дороги. Закрывая дверь, я слышу, как она говорит ему:

- на кухню, Боря.

- Да, сэр.

- на кухню, там найдешь

- и мне:

- не забудь, Боря ..., ну да ты понял, я думаю.

- да да - , говорю я, - , все в порядке.